

уваходзяць прозвішчы:

- *Легенькій Еська. Легенький есть фамилия еврейская. Этою пословицею означается такой человек, который языком все делает, но не на длл, или который трудное для других считает легкимъ.*

- *Идзи к Мархотке въ штаны. Говорятъ шуточно вмѣсто: убирайся къ чорту. Мархотка есть фамилия дворянская, а штаны название фольварка.*

- *Подаруй на Луполовѣ безъ штановъ бегаецъ. Говорятъ вмѣсто отказа просящему подарить что-либо цѣнное. Подаруй была фамилия одного мѣщанскаго дома. Одинъ изъ этой фамилии горькій пьяница въ оборванномъ до наготы платьѣ таскался по Луполовѣ. Луполовѣ есть вся заднѣпровская часть Могилева.*

У асобных парэміях крыніцай матывацыі паслужыла тыповая імена-лагічная форма:

- *Кепско въ Минску, пыни Коржаневскій. Пословица напоминает что-то историческое, особенно поражение поляковъ въ Минске. Нынѣ употребляется въ шуточномъ смыслѣ при неудачахъ или при полученіи наказанія.*

Тут прозвішча *Коржаневскій* з фармантам *-ск*, які лічыцца найбольш характэрным для польскай мовы, указвае на польскую этнічную прыналежнасць персанажа парэміі.

Увогуле, як паказаў прааналізаваны матэрыял, онімы ў складзе парэмій садзейнічаюць перадачы рэалізма выслоўяў, дапамагаюць выражэнню асаблівасцяў сітуацыі, прадстаўленай у прыказцы ці прымаўцы, і раскрыццю яе пазітыўнага, негатыўнага, сатырычнага або іранічнага зместу.

Літаратура

1. *Кондратьева Т. Н.* Переход собственных имен в нарицательные в фразеологизмах, пословицах и поговорках русского народа XIX–XX вв. // «Памяти В. А. Богородицкого». Казань: Казанск. ун-т, 1961.
2. *Кондратьева Т. Н.* Собственные имена в русском эпосе. Казань: Казанск. ун-т, 1967.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ЧАПАЕВ И ПУСТОТА»

Н. Н. Куцан

Пространство и время для любого художественного произведения играет огромную роль. Некоторые тексты построены строго хронологически в одном и том же месте, но роман «Чапаев и пустота» не входит в их число. Роман весьма сложен и противоречив, и необходимо разобраться в том, где и когда развивается действие романа [1]. При поверхностном рассмотрении можно выделить два временных пласта: послереволюци-

онная Москва и Москва наших дней, но если заглянуть глубже, то видно, что некоторые эпизоды развиваются вне времени (например, посещение Петькой Валгаллы – загробного мира для воинов), впрочем, есть эпизоды, которые развиваются и вне какого-либо места.

В основном, речь идет о Москве. И события после революции и наших дней развиваются в этом городе. Но очень часто упоминается Петербург. Да и мы сами понимаем, что для героев романа он гораздо важнее и ближе.

Этот город для русской культуры, а литературы в частности, очень важен и значим. Если заглянуть немного в историю, то само появление этого города было весьма неожиданным. Петербург очень молод по сравнению с другими городами. Есть в России города, которые древнее Петербурга, но Питер занимает свое особое место. Он не похож на всех остальных, он особенный [4, с. 267–274].

Сама история его создания до сих пор вызывает много загадок и слухов. До 1918 года Петербург был даже столицей. Немало трудностей выпало на его долю. Петербург стал эпицентром революции, да и знаменитая голодная блокада во Вторую Мировую войну тоже была там. Немало и названий поменялось: Петербург, Петроград, Ленинград и, наконец, Санкт-Петербург. Но есть и неофициальное, ласковое – Питер. Люди, живущие здесь, всегда отличались от жителей других городов России, той же Москвы. Даже язык тут особенный, какой-то *«по-петербургски интеллигентный»* [3, с. 71].

В романе Виктора Пелевина встречаются все типы и пласты русской жизни: москвичи, петербуржцы, провинциалы, столичная и провинциальная жизни, иностранцы, бандиты, интеллигенты. Таким образом, прослеживаются довольно четкие параллели.

ГОРОДА

На мой взгляд, уместно составить фасеты концептов городов и провинции. Далее следуют таблицы, в которых сопоставляются их сходства и различия (см. таблицы 1, 2, 3).

Из таблицы видно, что практически ничего не изменилось, Москва осталась той же (см. графу «Тверской бульвар. После революции. Наши дни»). Но все же изменения есть – Москва стала безликой. *«Уже начинало темнеть, и на крышах знакомых домов (их было довольно много вокруг) зажигались огромные электрические надписи на каком-то диком волапюке – “SAMSUNG”, “ОСАКО А”, “OLBI”. В этом городе мне совершенно некуда было идти; я чувствовал себя персом, по непонятной причине прибежавшим из Марафона в Афины»* [3, с. 348].

Таблица 1

	Москва	Петербург	Провинция
--	--------	-----------	-----------

Персонажи	Колян – типичный московский лохотрон [3, с. 267].	Шурик – элитный тип петерского бандита [3, с. 267].	Офицер Овечкин – ощущалась такая концентрация провинциального демонизма, что я ощутил раздражение [3, с. 135].
Рестораны	Место [литературное кафе «Музыкальная табакерка»] напоминало обычный, с претензией на шик, ресторан средней руки [3, с. 26].		Если здесь есть какая-нибудь ресторация, знаете, как это обычно бывает в провинции, с чахлой пальмой в кадке и теплым хересом в графинах? И чтобы подавали кофе [3, с. 133].

Табл. 2

	Москва	Провинция
Иностранцы	Впрочем Сердюк давно знал, что большинство иностранцев на самом деле никакие не иностранцы, а так, мелкая шантрапа, укравшая немного денег и отоварившаяся а магазине «Калинка-Стокманн». Настоящие иностранцы, которых в Москве развелось невероятное множество, уже давно в целях безопасности одевались так, чтобы ничем не отличаться от обыкновенных прохожих [3, с. 187].	В потертой куртке с капюшоном и резиновых сапогах Кавабата полностью потерял сходство с японцем. Теперь он стал похож на человека, приехавшего из Ростова-Дону. Так что, несмотря на сходство Кавабаты с приезжим из Ростова – а точнее, благодаря этому сходству, и особенно тому, что он не особенно походил на японца, сразу же делалось ясно, что это чистокровный японец вышел на минутку из своего офиса в московский сумрак [3, с. 188].

Табл. 3

	После революции	Наши дни
Тверской бульвар	Бронзовый Пушкин казался чуть печальней, чем обычно, – оттого, наверное, что на груди у него висел красный фартук с надписью: «Да здравствует первая годовщина революции». Уже начинало темнеть. Страстной монастырь был еле виден за снежной мглой [3, с. 10].	Бронзовый Пушкин исчез, но зияние пустоты, которая образовалась в месте, где он стоял, странным образом казалось лучшим из всех возможных памятников. Там, где раньше был Страстной монастырь, теперь тоже была пустота, чуть прикрытая чахлыми деревьями и безвкусными фонарями [3, с. 354].

В Петербурге ситуация немного иная. Он более интеллигентен: сам Петр Пустота – поэт из Петербурга. В провинцию после революции «набежали странные личности из Петербурга» [3, с. 133], и из контекста мы понимаем, что это именно интеллигенты, которые бегут туда, где по-

тише, потому как все спекулянты, наоборот, стремились в крупные города. *«Склонившийся надо мной господин напоминал одного из тех торгующих чем попало спекулянтов, которые в изобилии появились в Москве сразу же после начала войны»* [3, с. 100]. В Петербург, как средоточение культуры стремились провинциалы. *«Как правило, это были выходцы из Малороссии, которых отличали две основные черты – чудовищное количество жизненной силы и интерес к последним оккультным веяниям в столице»* [3, с. 100].

Надо отметить, что концептуализация того или иного города невозможна в отрыве от хронотопа – главного героя. Москва и Петербург находятся в постоянной оппозиции и взаимной дистрибуции, они как бы дополняют друг друга. Они очень коннотативны. В наборе определенных лексем (о них было сказано выше – см. таблицы), Пелевин остро чувствует разницу между этими городами и всячески нам ее подчеркивает.

Кроме этого в романе встречаются главы и эпизоды, где действие разворачивается как бы вне какого-либо места, по крайней мере, места, которое можно найти на карте. Например, посещение Петькой вместе с «Черным бароном» фон Юнгерном загробного мира для воинов – Валгаллы. Налицо мифологический сюжет и мотив, но Пелевин описывает это максимально правдоподобно, вводит реалистичные детали и персонажей, с которыми читатель встречается и дальше. К этому же можно отнести и описание реки Урал. *«То, что я увидел, было подобием светящегося всеми цветами радуги потока, неизмеримо широкой реки, начинавшейся где-то в бесконечности и уходящей в такую же бесконечность»* [3, с. 332].

Также и та же мистическая Внутренняя Монголия. *«Сначала сквозь него [глазок] было видны только синие точки фонарей, но мы ехали все быстрее – скоро, скоро вокруг уже шуришали водопады милой моему сердцу Внутренней Монголии»* [3, с. 360]. На этом роман заканчивается.

ВРЕМЯ

Основное действие романа протекает в двух временных пластах: послереволюционная Россия и Россия наших дней. Они смешиваются и взаимодействуют, две реальности Петра Пустоты причудливым способом переплетаются, герои и персонажи, которых мы встречаем в том или ином временном пласте, как правило, встречаются нам и в другом. Сам Петр Пустота перемещается из одного времени в другое с удивительной легкостью и необыкновенно органично и быстро сразу вписывается в то время, в котором очутился. Довольно интересно и то, что в каком бы времени он не проснулся (а переход из одного временного пласта в другой

происходит у героя именно во сне), много событий остается как бы за кадром. Он не помнит, например, боя на станции Лозовой или того, как он жил уже в наше время до того, как попал в психбольницу, некоторые подробности он узнает только тогда, когда тайком пробирается в кабинет главврача Тимура Тимуровича и находит свою историю болезни. Но зато в деталях помнит свою петербургскую жизнь до революции. *«Какой недостижимо прекрасной показалась мне в этот миг прежняя петербургская жизнь!»* [1, с. 92]

Таким образом, проанализировав эту тему, можно сделать вывод, что пространство и время у В. Пелевина решены весьма нестандартно. Через описания, развитие действия в различных городах, автор концептуализирует центр – Москву, и Петербург – сосредоточение европейскости, имперскости [1].

Литература

1. Кузнецов С. В. Пелевин. Тот, кто управляет миром // Огонек. 1996. № 35. С. 5–15.
2. Немзер А. Как бы типа по жизни // Литературная газета. 2000. № 27.
3. Пелевин В. Чапаев и пустота. М., Вагриус. 2001.
4. Топоров В. Петербург // Записки Татрского ун-та. 1967. С. 201–289.

ДЫЯГНОСТЫКА УМЕННЯЎ СТАРШАКЛАСНІКАЎ ПА ІНТАНАЦЫЙНЫМ АФАРМЛЕННІ ВЫКАЗВАННЯЎ

А. П. Літвінава

Сёння ва ўмовах пашырэння дзелавых, прафесійных зносін, калі ўзраслі магчымасці самавызначэння асобы, узмацнілася патрэба ў навучанні рыторыцы – дзелавой і рамантычнай навуцы адначасова. Уменне лагічна і выразна перадаваць змест і значэнне выказвання, здольнасць самастойна прадудыраваць тэкст звычайна не даюцца ад прыроды, інтуітыўна. Яны могуць выпрацоўвацца ў школе, дзякуючы мэтанакіраванай настаўніцкай дзейнасці ва ўзаемасувязі з выхаваннем моўнага густу, з фарміраваннем маўленчага этыкету вучняў.

Пры сучасным хуткаплынным нарастанні інфармацыі ўзрастаюць патрабаванні да гукавой афарбоўкі маўлення, для забеспячэння якаснай перадачы звестак адрасату. Менавіта сэнсавая рэльефнасць, рытмічнасць, эмацыянальнае багацце інтанавання сведчаць аб культурным развіцці асобы, спрыяюць яе паспяховай адаптацыі ў грамадстве. А гэта значыць, што асабліваю актуальнасць у школе набывае праблема развіцця вуснай мовы школьнікаў. Таму вяртанне рыторыкі ў школу, асвятленне асобных рытарычных пытанняў і палажэнняў на занятках па беларускай мове заканамернае.